

2 июля 1977 г.
ГАСТРОЛИ - 77

В Южно-Сахалинске закончились гастроли Хабаровского краевого театра драмы. Лучшие спектакли наших гостей, такие, как «Баня», «Мораль пани Дульской», о которых уже шла речь на страницах газеты, а также «Любовь под вязами», «Дама-невидимка», убеждают в том, что театру под силу решение довольно сложных идейно-художественных задач. Но именно творческие удачи коллектива позволяют предъявить ему и серьезные требования.

Театр обращается к разнообразным темам и жанрам: девять спектаклей, что называется, на любой вкус — классика советской, русской и мировой драматургии, произведения современных авторов. Драма, трагикомедия, комедия «плаща и шпаги», сказка. Насколько обширен должен быть творческий диапазон актеров, постановщиков, столь разнообразна и актерская палитра! Ведь не сыгравши же комедию Островского, к примеру, теми же средствами, что и комедию П. Кальдерона или Л. Жюльетто. И театр действительно демонстрирует свои возможности, решая одни спектакли как психологическую драму, например, «Любовь под вязами», выбирая для других жестковатый язык театра социальной маски — «Баня» В. Маяковского, предлагая в третьих театр-представление — «Мораль пани Дульской».

Обращение к классике для любого театра почетно, трудно, интересно, особенно если коллектив стремится к современному ее прочтению. «Красавец-мужчина» — одна из малоизвестных «печальных комедий» позднего Островского. В свое время (в восьмидесятые годы прошлого ве-

ка) она вызвала немало нападков критики, не пожелавшей увидеть в ней картину морального разложения купечества, в советское же время с успехом шла на сценах многих театров. В интерпретации Хабаровского театра драмы комедия Островского превратилась в водевиль, в

К сожалению, эта тенденция к развлекательности и ущерб глубокому исследованию просматривается не в одном спектакле хабаровчан. Комедия Леонида Жуховицкого «Жужа из Будапешта» не претендует на сколько-нибудь значительную идею, мысль, способную взволно-

того нрава, он же директор совхоза, несколько раз появляется на сцене под рокот автомобиля, записанный на пленку, чтобы, презрев всякие этические нормы, в очередной раз потребовать от старика отца и соседки Трефены немедленно покинуть свои дома и переселиться на

характером биографию, одна-две удачные работы, разумеется, не в состоянии сделать спектакль живым и действенным, если большинство исполнителей не объединены достаточно интересной целью и действуют вне актерского ансамбля.

Качества, которых не хватает спектаклю «Родники», демонстрирует другая работа театра — «Любовь под вязами». Это рассказ о сильных человеческих чувствах: о любви и ненависти, духовном рабстве и духовной свободе. Именно противопоставление бездуховности жизни ее высшему, нравственному началу и вместе с тем обличение действительности, которая порождает бездуховность, увидели главный режиссер А. Пафиденов и актеры в истории, рассказанной американским драматургом Юджином О'Нилом. Эта мысль пронизывает действие от начала до конца, хотя нигде не высказывается непосредственно. Актерские работы словно высвечивают ее с разных сторон, так что в итоге она звучит достаточно четко и ясно. Хорошо в этом спектакле дуэт В. Михайлова и С. Лычева, играющих сыновей старика Кэбота, удачна работа засл. арт. РСФСР В. Шаврина в роли самого Кэбота, да и остальные работы соответствуют общей стилистике спектакля, способствуют раскрытию идейно-художественного содержания.

Спектакль «Любовь под вязами», названный им в ряду лучших работ, еще раз доказывает: там, где театр не ограничивается только развлекательными функциями, а обращается к общественно значимым проблемам, там, где эти проблемы выражены в достаточно яркой театральной форме, только и возможен успех.

В. КАМЕНЕЦКАЯ.

БУДИТЬ МЫСЛИ И ЧУВСТВА

котором оказались незамеченными именно социальные мотивы. Режиссер-постановщик С. Таюшев, исполнители стараются доказать зрителю, что все происходящее на сцене не следует принимать всерьез, и в конечном счете их усилия сводятся лишь к тому, чтобы развлечь публику, преподнести ей такую милую шутку о коварстве и разоблачении «красавцев-мужчин». Что и говорить, от Островского в этом спектакле мало что осталось. Стремление оосовременить классику в данном случае привело к выхолащиванию самой сути произведения, идейно-художественным просчетам. В результате и природа исполнения в этом спектакле мало чем отличается от способа актерского существования, скажем, в «Даме-невидимке». Хотя здесь и не бьются на шпагах, но герои Островского точно так же порхают по сцене, как и персонажи Кальдерона. Но если в испанской комедии это обусловлено жанром, то в спектакле Островского — стремлением к развлекательности, превращением в данном случае в самоцель. Словом, режиссерское прочтение комедии Островского, предложенное театром, вряд ли можно признать правомерным.

взять, найти отклик в сердцах зрителей. Не претендует на это и спектакль (постановщик И. Борисов). История, приключившаяся со школьницей из Будапешта по имени Жужа, приехавшей на каникулы в Москву, рассматривается театром как забавное происшествие, над которым можно лишь посмеяться. Однако смех в зале может быть разной природы, и если он возникает там, где актерам и режиссеру порой изменяет чувство меры и вкус (а такие моменты есть и в том, и в другом упомянутых спектаклях), то такой смех совсем не радует. Плохо, если зритель приходит в театр только «посмеяться», только «развлечься» — театральное действие, независимо от того, комедия это, трагедия или драма, призвано выполнять более высокую и почетную задачу, оно апеллирует к уму и сердцу, пробуждает благородные чувства, заставляет размышлять, а уж если смеяться, то не затем, чтобы, выйдя из театрального подъезда, тотчас же забыть и этот смех, и все, что происходило только что на сцене.

Действие спектакля по пьесе В. Белова «Родники» (постановка Н. Рябова) происходит в советской деревне. Молодой человек весьма кру-

центральную усадьбу, хотя отец его желает лишь одного: доживать свой век на дедовской земле. Тем временем юная сестра директора то решает ехать в институт, то устраивается дояркой и в конце концов все же уезжает в город с женихом, хотя и объяснилась в любви другому... Какая же из этих сюжетных линий кажется режиссеру главной, а мысль — наиболее достойной внимания, наиболее современной, какова сверхзадача спектакля, для чего все эти люди ходят по сцене, разговаривают, совершают какие-то физические движения (ибо движение мысли в нем, к сожалению, не заметно)? Трудно сказать. Нет в нем «нерва», который определяет все происходящее, действие не оплодотворено режиссерской мыслью, а поэтому и не волнует, а после окончания спектакля не вызывает желания поразмыслить над ним, вновь и вновь вернуться к затронутым проблемам. Не удивительно, что среди актерских работ почти нет по-настоящему глубоких, запоминающихся. И хотя исполнительница роли Трефены, например, засл. арт. РСФСР М. Баранкова радует той достоверностью и убедительностью, которые позволяют увидеть за